

DOI 10.25991/VRHGA.2020.20.4.030

УДК 271.2 (571.642)“19”

*Игумен Филарет**

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ НА ЮГЕ ОСТРОВА САХАЛИН ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

Представленная статья — попытка осмысления деятельности Японской Духовной Миссии по церковному окормлению русского населения, оставшегося на юге о. Сахалин после Русско-японской войны. В основу ее написания положены уникальные по своему происхождению источники. Прежде всего, это документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) — переписка о необходимости возобновления деятельности русского прихода, воспоминания и путевые дневники священнослужителей и гражданских лиц. Анализ найденного материала позволил раскрыть основные направления, по которым руководство миссии планировало проводить скрупулезную работу. Первоначально необходимо было наладить богослужебную жизнь, восстановить закрытые церкви, вернуть церковным общинам утварь и богослужебные книги, а также позаботиться о комплектовании православного причта. Особое беспокойство вызывало отсутствие образовательных учреждений — школ для русских детей. К сожалению, предпринимаемых усилий со стороны духовенства миссии не могло хватить. Сказывались геополитические и исторические факторы, в которых находились две державы — Россия и Япония. Несмотря на все трудности, руководство миссии понимало необходимость сохранения русского присутствия на занятой части острова. Для этого оно смогло получить одобрение Святейшего Синода и обосновать необходимость ежегодного выделения финансовых средств для деятельности сахалинского причта. Практически сразу, как только были улажены все формальности, к русским островитянам был командирован православный священнослужитель из Владивостока. Это помогло решить многие проблемы, однако на протяжении значительного времени так и не удавалось укомплектовать причт учителем и псаломщиком. Автор статьи не ставит перед собой точку в решении исследовательской задачи раскрыть все обстоятельства деятельности церковного причта. Это позволит со временем допод-

* Игумен Филарет (Пряшников Сергей Владимирович), кандидат теологии, теолог, директор духовно-просветительского центра «Святодуховский» Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (Санкт-Петербург); tigr1978@list.ru

лино установить все обстоятельства функционирования православного духовенства на занятой японцами части острова Сахалин.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, остров Сахалин, Русско-японская война, деятельность островного духовенства, архивные документы.

Hegumen Filaret

*ORGANIZATION OF CHURCH LIFE IN THE SOUTH OF THE SAKHALIN ISLAND
AFTER THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904–1905*

The presented article is an attempt to comprehend activities of the Japanese Ecclesiastical Mission on the church guidance of the Russian population remaining in the south of Sakhalin Island after the Russo-Japanese War. Its writing is based on documents which are unique in their origin. First of all, these are documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) — the correspondence about the need for resumption of activities of the Russian parish, memoirs and travel notes of clergy and civilians. Analysis of the material found revealed the principal directions in which the mission leadership planned to carry out rigorous work. Initially, it was necessary to arrange a liturgical life, restore closed churches, return utensils and liturgical books to church groups, and also take care of completing the Orthodox clergy. The lack of educational institutions — schools for Russian children — was of special concern. Unfortunately, the efforts made by the mission clergy could not be enough. Geopolitical and historical factors of the two powers, Russia and Japan, had a significant impact. Despite all the difficulties, the mission leadership understood the need to maintain the Russian presence on the occupied part of the island. To this end, it was able to receive the approval of the Holy Synod and justify the need for an annual allocation of funds for activities of the Sakhalin clergy. An Orthodox priest from the city of Vladivostok was sent to the Russian islanders almost immediately, as soon as all the formalities were settled. This helped to solve many problems, but it still was impossible to complete the clergy with a teacher and a psalm reader for a considerable time. The author of the article does not put an end in solving the research problem to reveal all the circumstances of activities of the church clergy. This will allow to establish for certain all circumstances of the functioning of the Orthodox clergy on the part of Sakhalin Island occupied by the Japanese over time.

Keywords: Russian Orthodox Church, Sakhalin Island, Russian-Japanese War, activities of the island clergy, and archival documents.

Сахалин в середине XIX в. являлся предметом территориального спора между Россией и Японией. Задача российских властей в те годы сводилась к тому, чтобы полностью включить остров в орбиту своего влияния и территориальной принадлежности. После подписания в 1855 г. Симодского протокола и принятия в 1875 г. поправки к нему, остров Сахалин становится особым местом служения духовенства Русской Православной Церкви. Особенность региона была обусловлена не только рядом объективных факторов: оторванность от материка, суровость климата, тяжелые условия жизни. Она сводилась прежде всего к тому, что Сахалин с 1869 г. становится местом отбывания наказаний для тысяч заключенных.

Каторга налагала свой отпечаток на всю общественную жизнь, в т. ч. и церковную. Более того, имея статус тюремного духовенства, священнослужители острова несли полную нагрузку как приходские священники. Перед Русско-японской войной православие на острове достигло стабильного положения

за все время своего существования (с 1865 по 1920-е гг.). Благодаря усилиям как светских, так и духовных властей были увеличены церковные штаты, на острове трудилось 10 священнослужителей.

Русско-японская война стала сложным испытанием для населения Сахалина. Японские военные без лишнего труда захватили островную территорию. Этому способствовали низкое моральное состояние личного состава войск Российской империи, находящихся на Сахалине, а также отсутствие опыта ведения военных действий со стороны руководства войсками.

По итогам Портсмутского договора 1905 г. южная часть острова Сахалин перешла Японии. На этот момент Русская Православная Церковь была представлена тремя приходами, которые до начала войны входили в отдельное южное благочиние Владивостокской епархии. Военные действия затронули все слои островного общества, нарушив привычный ход жизни. Тем, кто не мог уехать перед войной на материк, предстояло пережить все тяготы послевоенного времени.

Островной священник Алексей Троицкий, будучи свидетелем всех испытаний, выпавших на долю мирного населения юга Сахалина, описывал трудности, которые переживал вместе со своей паствой. В своей статье, вышедшей во Владивостокских епархиальных ведомостях в 1908 г., он писал, что, предчувствуя войну, островитяне заранее начали заготавливать сухари и искать укрытия в тайге. Вслед за этим в повседневной жизни острова стало наблюдаться резкое повышение цен на продукты и вещи первой необходимости [5, с. 127].

Несмотря на все усилия по выдворению с территории русского населения, на острове всё же оставались люди, нуждающиеся в церковном окормлении. Как пишет М. Г. Булавцева, на южной части Сахалина «численность русских будет оставаться достаточно стабильной вплоть до 1940 г.: 208 человек — в 1907 г., 100 человек (минимум) — в 1920 г., 206 человек — в 1940 г.» [7, с. 89–98]. Вместе с этой частью населения на юге острова оставались проживать коренные народы Севера. По данным переписи 1906 г. их насчитывалось около 2600 человек [6, с. 22].

Первоначально японское правительство обещало тем, кто не будет сопротивляться и докажет свою лояльность, определенные права и свободы, в т. ч. и в исполнении религиозных обрядов. Во всех поселках было развешено специальное воззвание:

Мы считаем врагом только русские войска, а невинных жителей, не оказывающих сопротивление нашей армии, таковыми не считаем. Этим же жителям японские войска не только не причинят никакого вреда и не будут вмешиваться в их пользование свободой вероисповедания [5, с. 505].

Однако декларация намерений, высказанных в воззвании, не подтверждалась в повседневной жизни.

Мирные русские жители с самого начала оккупации почувствовали жесткое отношение к себе со стороны японских военных. Солдаты бесцеремонно проводили конфискацию у поселенцев всего, что нравилось. Более того, имели место факты расстрела совершенно ни в чем не повинных людей. Так, извест-

но, что после занятия селения Владимировка японцы собрали все мужское население, первоначально разделив его на две части. Одну часть отправили назад в бараки, а другую — расстреляли. Тогда погибло свыше 150 человек, тела которых закопали недалеко от селения [5, с. 478]. Второй случай жестокого обращения с русским населением произошел также во Владимировке. Служащие госпиталя обратились к японским властям с просьбой вывезти их в Россию. На это обращение последовало решение оккупационных властей: всех переписали, а затем, отведя людей в лес, расстреляли. Тогда было убито 56 человек, причем многие были преклонного возраста. Затем на этом же месте были убиты служащие тюремной больницы — 26 человек [5, с. 506]. Стоит отметить тот факт, что убитых из числа русских могло быть гораздо больше, т. к. никем не велась статистика расстреливаемых «поодиночке».

Чрезвычайно трагично сложилась судьба каторжан, которых не успели эвакуировать перед войной. Как пишет в своем исследовании С. Л. Лучкий, японцы уничтожили большую часть каторжан, содержащихся на острове. Итогом такого отношения к русским ссыльнокаторжным со стороны японцев стало то, что к концу Русско-японской войны заключенных на острове практически не осталось [14, с. 28].

Совершенно безразлично относились новые власти и к русскому наследию — храмовым зданиям. Еще во время боевых действий была повреждена церковь в посту Корсаковском. При обстреле серьезно пострадали стены и потолок. Разорвавшийся в храме снаряд повредил полы, выбил все стекла и разрушил часть иконостаса [5, с. 130]. Оставшиеся церковные здания японцы приспособили под жилые помещения. Так, в церкви села Галкино-Врасское был полностью разграблен алтарь, из храма неизвестными унесены утварь, церковные принадлежности и богослужебные книги. Более того — какое-то время эту церковь японцы использовали для хранения убитых [5, с. 482].

В епархиальном отчете Владивостокской епархии за 1905 г. особое место было отведено информации о положении церковей острова Сахалин. В документе говорилось, что война с Японией полностью изменила церковный строй. Так как юг острова отошел японской стороне, девятое благочиние упразднялось. Достоверных сведений о целостности причтовых помещений и церковных домов в те годы у консистории не имелось. В отчете в Святейший Синод епархиальное руководство подчеркивало чрезвычайно сложное положение сахалинского духовенства: «Оно (духовенство) лишилось всего своего имущества, подвергалось опасности быть убитым или раненым, несло тяготы плена и принудительного выселения» [9, с. 37]. О том, что семьи священнослужителей, так же как и прочее население, в принудительном порядке выдворялись с острова, писали в своих воспоминаниях иерей Алексей Троицкий [15, с. 5] и Александр Бетин [15, с. 10].

В 1906 г. уцелевшие церкви южной части Сахалина были переданы в ведение Японской Духовной Миссии [10, с. 12об.]. В те годы ее возглавлял архиепископ Японский Николай (Касаткин) (годы жизни 1836–1912). С 1908 г. его бессменным помощником на протяжении долгого времени становится преосвященный Сергей (Тихомиров), епископ Киотский. Именно ему было

поручено заниматься восстановлением церковной жизни в южной части острова. Для этого епископу Сергию пришлось дважды посещать остров Сахалин [8].

Начать работу миссии по церковному окормлению островных жителей, побудило письмо протоиерея Иоанна Восторгова от 7 ноября 1910 г., написанное в Святейший Синод. В нем священнослужитель просил обратить особое внимание на русское население южной части острова, оставшееся после Русско-японской войны. Для местных русских требовалось учредить особый причт, который состоял бы из священника, псаломщика и учителя. Более того, члены православного прихода должны были получать необходимое содержание: настоятель — 1200 руб. в год, псаломщик — 600 руб. в год, учитель — 600 руб. в год. На обеспечение всем необходимым русской школы и покрытия расходов на разъезды духовенства по острову предполагалось выделить по 600 руб. соответственно [2, с. 2].

Из Священного Синода этот документ был отправлен на рассмотрение архиепископу Николаю в Японию. Преосвященный Владыка, изучив все стороны обсуждаемого вопроса, был вынужден написать пространный ответ. В нем говорилось о том, что действительно вместе с японским населением на южной части Сахалина проживает некоторое количество русских людей. По данным 1909 г. в 26 населенных пунктах числилось всего 178 человек. Количество русского населения постепенно уменьшалось, т. к.

все русские на Сахалине, оставаясь русскими подданными, питают надежду на возвращение в отечество, и остаются здесь только потому, что многие привязаны к земле, будучи собственниками обрабатываемых ими земельными участками, другие не имеют достаточных средств для возвращения [11, с. 7].

Архиепископ Николай в представляемом документе давал краткую характеристику церковной жизни островитян. Он писал, что храмовые здания имелись в четырех населенных пунктах: Наяси, Тоёхара (Южно-Сахалинск), Крестах и в Галкино-Врасском. Они были переделаны под частное жилье, в котором проживало японское население. Церковные колокола находились на пожарных наблюдательных пунктах. Один, самый большой, определили в буддийский молельный дом в Оотомари (Корсаков). Богослужбные книги, а также вся утварь через хакодатского консула были отправлены во Владивосток в адрес епархиального управления [11, с. 7об.].

Из вышеприведенной характеристики можно увидеть, что церковная жизнь островитян, проживающих на южном Сахалине, была полностью прекращена: церковные здания оказались заняты японцами, богослужений не совершалось, постоянно служащее духовенство отсутствовало. Помимо восстановления церковной жизни для русского населения, руководство Русской Духовной Миссии в Японии беспокоил важный вопрос — открытие образовательной школы на юге острова именно для русских детей.

Чтобы решить проблему церковного окормления, руководство миссии внесло следующие предложения:

- 1) послать на южную часть Сахалина особого иерея или иеромонаха;
- 2) прикомандировать к священнослужителю псаломщика;

3) учредить церковную школу для русских детей в деревне Наяси, назначив в указанную школу учителя;

4) просить Святейший Синод о выделении жалования для служащих, а также дополнительных средств на содержание школы и разъезды для священнослужителей.

Параллельно с учреждением церковного причта, который, стоит заметить, должен был быть временным и с переселением русских подлежал закрытию, требовалось обратиться с просьбой к японским властям о возвращении церковью и всего церковного имущества Японской Духовной Миссии.

Говоря о временной работе русского церковного причта, предполагалось оставить его и после того, как российские подданные покинут территорию юга Сахалина. Причт мог начать работу с коренными жителями острова — крещеными ороками и нивхами, которые тогда населяли обширные территории восточного и западного побережья.

Архиепископ Николай (Касаткин) чрезвычайно трепетно относился к миссионерской деятельности, которой посвятил всю свою жизнь. Он понимал, насколько важен в пастырском служении личный пример. В своих письмах, размышляя о людях, которым следовало бы поехать на Сахалин для работы в новообразованный причт, архиепископ Николай писал:

Иеромонах (или иерей), псаломщик и учитель должны быть из благочестивых, безусловно — трезвые, самоотверженные труженики. Ко всему этому желательно, чтобы они решили ехать на службу здесь не на малое число лет, так как чтобы быть полезными крещеным ороочонам и гилякам. Они должны будут ознакомиться с языками сих инородцев. В тоже время, обращаясь постоянно среди японцев, они без труда научатся говорить по-японски и смогут вести христианскую проповедь между японцами [11, с. 80б.].

Среди русского населения, безусловно, были и дети. Для них требовалось наличие школы, т. к. в те годы они полностью оставались вне учебного процесса. Учебные заведения, открытые японским правительством, осуществляли свою деятельность исключительно для детей японцев, русским же детям там места не было. В своем письме в Святейший Синод владыка ярко и довольно точно характеризовал положение подростков южной части острова:

Лишенные утешений пастырских, лишенные обучения школьного, испорченные еще в юные годы, бывшие наши каторжники в позорном виде стали лицом к лицу с японцами. И в то время, когда южный Сахалин покрывается множеством буддийских и синтоистских кумирен, в православных храмах мерзость запустения. В то время, как японские мальчики и девочки все без остатка обучаются в устроенных японцами начальных школах, русские дети все без остатка остаются без грамотными. Возрастные пьянствуют, а за ними тянутся и подростки... Если и вперед оставить сих несчастных русских без внимания то, что же они представят себя в конце концов? Безграмотную, пьяную, развратную массу. И сия масса будет представлять на южном Сахалине от имени России. А если она постепенно будет вливаться и в русские пределы, кого же она даст Родине нашей? [11, с. 70б.]

24 апреля 1911 г. на повестку заседания Священного Синода, которое проходило в Петербурге, был вынесен чрезвычайно важный вопрос: «Об учреждении для русского населения южной части Сахалина особого причта и школы». После рассмотрения всех материалов дела коллегиальный орган Русской Православной Церкви определил открыть церковный причт и образовательную школу в указанной местности. По линии хозяйственной части теперь должны были выделяться необходимые средства для их содержания: священнику — 1200 руб. в год, псаломщику — 600 руб. в год, учителю — 600 руб. в год, на содержание школы и разъезды причта — 600 руб. в год [13, с. 2].

Для открытия причта и налаживания его внутренней жизни требовалось время. Первоначально было необходимо организовать переговоры о передаче бывших церковных зданий и оставшегося имущества. Потом требовалось позаботиться о назначении священнослужителя на остров. Последний вопрос был решен практически сразу. 14 июня 1911 г. в распоряжение Японской Духовной Миссии из Владивостокской епархии был командирован священник села Грингмутовка (?) Николай Кузьмин. Долгое время не удавалось найти людей на должности псаломщика и учителя. Руководство Японской Духовной миссии по этому поводу неоднократно писало в различные ведомства:

Священник Кузьмин прибыл один. Для служения с ним в качестве псаломщика и учителя никто еще не найден. Быть может, между христианами Сахалина окажутся способные помогать ему в служении в качестве псаломщика, а также и учителя [12, с. 23об.].

В вопросе передаче церковного имущества и зданий возникала существенная проблема. Дело было в том, что 5 июня 1911 г. был подписан документ, по которому Россия отказывалась от каких-либо претензий по отношению к Японии, поэтому официальное обращение Японской Духовной Миссии к Правительству о возвращении причту зданий, утвари, богослужебных книг не могло быть решено положительно. В своей депеше от 12 августа 1911 г. старший советник Броневской писал, что попытался решить имеющуюся проблему в частном порядке, передав необходимую записку министру иностранных дел японской стороны.

Через некоторое время пришли хорошие новости. Духовная Миссия в Японии получила сведения, что власти из Токио направили на Сахалин распоряжение о передаче уцелевших зданий православной миссии. Причем выражалось сожаление, что невозможно вернуть уже те здания, которые были уничтожены огнем — Корсаковскую церковь и церковь села Дальнее. Церковную утварь, оставшуюся после закрытия островных храмов, предписывалось в обязательном порядке передать представителям миссии [2, с. 21об.].

Изучая письма начальника Православной Духовной миссии в Японии епископа Сергия, мы выяснили, что на протяжении довольно продолжительного времени вакансии учителя и псаломщика оставались незанятыми. Следовательно, священнику, окормлявшему русское население юга Сахалина, приходилось работать одному. Стоит отметить и тот факт, что средства по Духовному ведомству выделялись своевременно, о чем мы также можем узнать из имеющихся документов [2, с. 30].

Исследования документальных отчетов о деятельности Русской Духовной миссии в Японии в начале XX столетия не дали нам исчерпывающего ответа на вопрос, как долго осуществлял свое служение на южной части острова священник Николай Кузьмин. Всего лишь один раз в архивных источниках за 1912 г. и за 1914 г. было найдено упоминание, что на южном Сахалине числился именно он [3, с. 22]. Вероятнее всего, церковное окормление осуществлялось вплоть до второй японской интервенции (с 21 апреля 1920 г. по 15 мая 1925 г.), когда северная часть острова, так же как и южная, перешла Японии. Тогда наблюдались значительные сложности в работе миссии в целом и, следовательно, в поддержании православной жизни Сахалина. Трудный этап существования всей православной миссии в Японии сводился к некоторым событиям: кончине архиепископа Николая (Касаткина), революционным действиями в самой России 1917 г., изменениям во взаимоотношениях государств на политической арене.

Остров Сахалин — особый регион. Он отличается от остальных регионов своими характерными особенностями, а история его освоения носит непростой характер. Несмотря на оторванность от Большой земли, на острове сталкивались интересы как личностей, так и великих держав. Православное духовенство, осознавая свою ответственность, осуществляло многогранную деятельность по окормлению островного населения на протяжении всего периода. Сахалинская паства как часть островного населения в полной мере переживала все исторические и геополитические коллизии. Имеющиеся архивные документы свидетельствуют о том, что несмотря на непростую обстановку, предпринимались попытки церковного окормления оставшегося после войны русского населения юга Сахалина. Японской духовной миссии, осуществлявшей координацию действий, удалось в короткие сроки направить для русских постоянного священнослужителя, добиться возвращения церковных зданий и оставшихся богослужебных утвари и книг. К сожалению, в связи с объективными причинами не удалось возродить деятельность школы для детей из числа русских поселенцев, а также найти человека, способного выполнять обязанности псаломщика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выписка из определения Святейшего Синода об учреждении причта и церковной школы для удовлетворения религиозно-просветительских нужд православного населения южного Сахалина и Курильских островов // РГИА. — Ф. 799. — Оп. 8. — Д. 914; Ф. 799. — Оп. 15. — Д. 1178.
2. Деша ст. сов. Броневского // РГИА. — Ф. 799. — Оп. 15. — Д. 1178.
3. Донесение начальника Японской Духовной Миссии за 1912 год // РГИА. — Ф. 796. — Оп. 193. — Д. 1196.
4. Заявление священника Александра Бетина Приамурскому генерал-губернатору // ГАРФ. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 4975.
5. Из воспоминаний о Русско-японской войне на юге Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. — 1908. — № 4–20.

6. Ли Бен Дю. Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1976. — 177 с.
7. Булавцева М. Г. Сахалин-Карафуто: история границы сквозь ценность образования // Япония наших дней. — 2010. — № 3(5).
8. На Южном Сахалине (Из путевых заметок). — М.: Русская Печать, 1914.
9. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1905 год // РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 877.
10. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1906 год // РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 2134.
11. Письмо архиепископа Николая Японского в Святейший Синод // РГИА. — Ф. 799. — Оп. 15. — Д. 1148.
12. Письмо начальника Российской Духовной Миссии в Японии епископа Сергия в хозяйственное управление при Святейшем Синоде // РГИА. — Ф. 799. — Оп. 15. — Д. 1178.
13. Письмо протоиерея Иоанна Восторгова в Святейший Синод о церковном окормлении жителей южной части острова Сахалин // РГИА. — Ф. 799. — Оп. 15. — Д. 1178.
14. Лучкий С. Л. Остров Сахалин. — М., 1946.
15. Удостоверение священника Алексия Троицкого // ГАРФ. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 4975.
16. Филарет (Пряшников), игум. Архивные материалы по истории Русской Православной Церкви о. Сахалин (вторая половина XIX — начало XX века). — Казань: Бук, 2017.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)